

ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ

А КАЛИНА под его окном, оказывается, не растет. Почему-то был уверен, что обязательно встречу здесь этот скромный куст. Вот и Лидия Николаевна подтверждает, что, действительно, «посадили калину как раз у стены с мемориальной доской с горельефом Василия Макаровича, да, видеть, не принялась...»

Дом на улице Бочкова, недалеко от станции метро «Щербаковская». Квартира на пятом этаже. Его кабинет, его библиотека, его стол, его тетради... Но об этом — чуть позже, а пока что по соседству, в гостиной, слушаю рассказ Лидии Николаевны Фадосеевой-Шукшиной. Говорить ей непросто: пять лет минуло, а боль в сердце не притупляется...

— Я его еще во ВГИКе узнала, хотя учились на разных курсах: Вася в пятьдесят четвертом поступил, а я — в пятьдесят шестом. Шукшин был у нас комсомольским секретарем и со стороны казался товарищем очень строгим, недоступным, даже необычным. Необычно выглядела его одежда: гимнастерка, галифе, сапоги. Необычным был взгляд: стрелнет в тебя глазом, а потом упрет его куда-то в пол, в землю... И походка тоже была отличительная — очень уж шакала-то устойчивая, твердая, даже упрямая. Откровенно говоря, мне это в нем тогда не нравилось. Когда спустя годы познакомились, я вспомнила: «К тебе в институте страшно было подойти — весь в себе, вечно замкнут...» Он улыбнулся и скороговоркой: «Было, было, было...» И подарил свою книгу «Сельские жители» с такой надписью: «За то, что ты меня когда-то незлостью, вот тебе бескомпромиссная моя работа...» Впрочем, свои привычки он сохранил на всю жизнь. Говорил: «Надеть бы козловоротку, сапоги, но только чтобы вокруг не смеялись...» Не раз повторял: «Хорошо работать в чистой рубахе, валенках и чтобы было полно сигарет...» Как-то признался: «Мне кажется, что в галстук или накрахмаленной рубашке я бы не написал ни строчки...»

А сблизил нас песня. Съемки фильма «Какое оно, море?» должны были проходить в Крыму. Сели дружной компанией в поезд Москва — Феодосия, достали снедь. Я запела «Калина красная, калина вызрела...» — тогда, в шестьдесят четвертом, эта песня как раз только появилась. Он стал подпевать. Дальше — больше: «Вот кто-то сторочки спустился...», «Куда ведешь, тропинка милая...». Так с песни все и началось...

Жили на окраине Москвы, которая называется Свиблово, в маленькой кооперативной квартире. Принес туда Шукшин фанерный чемоданчик. Там и дочки родились — погодки Маша и Оля. Когда потом уже вот в этот дом переезжали, Шукшин обнаружил старый свой чемоданчик и шумно обрадовался: «Это знаешь какая реликвия!» В чемодане хранились письма от родных, перевязанные бечевкой, и еще отказы из всех редакций и издательств, куда, по совету Михаила Ильича Ромма, направлял он свои рассказы...

Писал урывками. Сетовал: «Четыре строчки в день — разве это работа?... Сочиняю в основном в гостиницах да в больницах...» Там, в Свиблове, всю маленькую квартиру заполняли дочки. Работать выпадало только ночью, на кухне. Шукшин мечтал: «Хочу стол, как у Ромма, — большой, и чтобы завален был книгами, бумагами. Хочу кабинет, чтобы можно было от всех закрыться...» Здесь, у «Щербаковской», мечта о кабинете осу-

СЕРДЦЕ ШУКШИНА

Василий ШУКШИН с семьей на съемках фильма «Печки-лапочки». Фото из семейного архива.

ществилась и стол подобрали просторный, но писать выходило все равно, только когда все домашние засыпали. Заваривал крепче кофе, доставал сигареты — тихо, хорошо... Раскрывал общую тетрадь в клеенчатом переплете — он любил именно такие вот тетради: чем толще, чем больше приближается к «камбарной книге», тем лучше. Обычно рассказ вынашивал долго и писал почти без помарок. Как только заканчивал, будил жену: «Послушай...» Однажды она просыпается: под подушкой — тетрадка. Раскрыла: «В день 8 Марта дарю тебе этот рассказ». Рассказ назывался «Охота жить».

С интересом следил за игрой дочек: «Может, и правда, артистки растут? Да еще талантливые? Как режиссер обязательно это высмотрю...» Писал им из Сибири, где снималась картина «У озера»: «Девчонки, вырастайте скорее, и я вам покажу свою родину. Тогда вы поймете, что такое жизнь...»

Как-то Оля (ей было четыре года) увидела в кабинете книжку «Там вдали» с портретом отца. Подбежала:

— Папа, почему ты здесь?
— Потому что это моя книжка, я ее написал.
— Как это «написал»?

— Я писатель.

Девочка была поражена:

— Ты пи-са-тель?.. Маша! Иди скорей сюда! Ты знаешь, наш папа — писатель!..

Он хохотал до слез...

На ночь вместе с дочками сочинял сказки. Чаще всего про то, как заяц летал на воздушных шариках. Бывало, и утром бегут к нему: «Папа, сказочку!» Он отбивается: «Дайте хоть глаза продрать...» Потом на кухне же не восхищенно: «Оля словно парочинный ножик: р-раз — и складывается ко мне, а Машка, как журавлик, ножки вытянула...» Машу так и звал — Журавликом, а Олю по-разному. (Вообще прозвища умел придумывать удивительные. Как-то, надписывая жене книжку, поместил сверху: «ФелиНи», это значит — «Фадосеевой Лидии Николаевне».) Устраивал с Машей и Олей шумные баталии, возил их на

спине... Уложив девочек, потирал руки: «Сейчас, значит, кофеенку, сигареточку...» Подготавливал себя к любимому разговору — о дочках. Слушая Лиду, похотывал: «Нет, определенно дети гениальные...»

Лидия Николаевна улыбается: — Многие почему-то думают, что Шукшин жену себе привез из Сибири, на фильм «Печки-лапочки», а ведь я коренная ленинградка, с улицы Софьи Перовской. Как-то, рассказывая ему о своем детстве, упомянула, в частности, что жила в нашей коммунальной квартире глухонемая девочка, с которой я настолько сдружилась, что абсолютно не понимала ее «язык». Более того, могла свободно на нем разговаривать. Шукшин этим заинтересовался и вскоре написал рассказ «Степка», одна из героинь которого — глухонемая Вера. Потом рассказ вошел в картину «Ваш сын и брат», а роль Веры предназначалась специально для меня, но в силу разных причин я сниматься не смогла... Работало с ним легко. Накануне съемки мы обычно устраивали дома маленькую репетицию, причем как режиссер Шукшин вел себя очень тактично: никаких «показов», никакого «давления». Верил в мою интуицию... Но работать с актерами обожал, и еще особое удовольствие доставлял ему монтаж фильма. А вообще-то уставал от своих картин просто дьявольски, ведь сценарий для него отнюдь не был каноном, и он все что-то менял, в каждый кусочек картины стремился вложить очень многое. А тут жесткие законы производства, клещи метража, худсовет... Выматывался и всякий раз клятвенно заверял: «Все, о кино забываю. Надо писать...» Но, думаю, с кинематографом он, вопреки бытующему мнению, все равно бы никогда не расстался. «Разина» собирался снимать, да и другие замыслы были, например «Вот моя деревня...».

Да, он думал и о новых фильмах, и о театре, о собственном театре — Русском драматическом. Намеревался ставить там

Распутину, Белоза, Абрамова, Залыгина, Тендрякова, причем вовсе не инсценировки, а созданные специально для театра произведения. В последние свои дни сам писал повесть для сцены под названием «Немая»...

Он не любил многословных мест, свободное время стремился проводить дома. Он не любил московскую зиму (как-то сказал жене: «Заметь, у меня нет ни одной зимней картины»), зато, когда приехал в феврале с Лидой в родные Сростки, шумно радовался: «Ну, воздух! Как ножом режет!..» Он не любил автомашин — чтобы перейти дорогу, обычно долго выбирал подходящий момент (хотя, когда понадобилось для роли, научился лихо управлять грузовиком). И еще он очень не любил громких слов.

«Мне кажется, — говорил Шукшин, — смысл социалистического искусства не в том, чтобы силиться создавать неких идеальных положительных героев (даже в противоположность отрицательным), а находить, обнаруживать положительные — суть качества добрые, человеческие — и подавать это как прекрасное в человеке».

На полях своих тетрадей Шукшин делал разные записи. Не могу не процитировать несколько строк, прочитанных здесь, в его кабинете:

«Я знаю, когда я пишу хорошо: когда пишу и как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей».

«Во всех рецензиях только: «Шукшин любит своих героев... Шукшин с любовью описывает своих героев...» Да что я, идиот, что ли, всех подряд любить? Или блаженный?..»

«Произведение искусства — это когда что-то случилось; в стране, с человеком, в твоей судьбе».

«Ничего, болезнь не так уж и страшна: какое-то время можно будет еще идти на карачках».

«Добрый, добрый». ...Эту медаль носят через одного. Добро — это доброе дело, это трудно, это не просто. Не ха-

литесь добротой, не делайте хоть зла!»

«Когда нам плохо, мы думаем: «А где-то кому-то — хорошо». Когда нам хорошо, мы редко думаем: «Где-то кому-то — плохо».

Однажды он написал жене: «Люди красиво говорят про искусство — это делается легко. Больше того, когда душа не занята искусством, остается много сил и желания говорить про искусство, ведь все же вон как умны и начитанны...»

Что же касается Шукшина, то у него много говорить про искусство и времени, и желания не было. Шукшин искусство делал... Как-то Лидия Николаевна с дочками пришла к мужу в больницу, а у него в глазах, глубоко-глубоко, слезы.

— Что случилось?

Подает «амбарную книгу»:

— На вот, написал... Только не надо сейчас... Потом, дома... Читала, плакала... Зазвонил телефон. Подняла трубку, а говорить не может... Он — оттуда, тихо:

— Ну, что, будем ставить?..

Я держу эту «амбарную книгу», где поверху написано: «Калина красная», а пониже: «Писал сценарий 27 октября — 15 ноября 1972 года. Москва (больница)». Перелистываю просторные страницы в клеточку, исписанные ровным почерком. Только, пожалуй, в самом последнем абзаце строчки дрогнули, поползли: «И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома. Люба упала ему на грудь и тихо жутко выла. Петро стоял над ними, смотрел на них и тоже плакал, Молча».

Сценарий хранится в кабинете, где на книжных полках, сделанных его руками, — и Карамзин, и Костомаров, и Соловьев (вся история государства Российского, отсюда и «Разин» его пошел). И классики подобраны здесь тоже по-особому... Еще на этих полках много разных чудес — например, какие-то дикинские корни, найденные им в лесу, или ствол елочки, которую он навсегда «прописал» здесь после какого-то давнего Нового года... А вот кусочек янтара, глядя на который он радовался: «Как похоже на мою гору Бикет в Сростках — да, это моя гора, моя деревня...»

И последнее письмо к родным тоже тут: «Что это за жизни такая: что-то надо все делать, куда-то уезжать... Я вот выкопал здесь, за Домом, землянку и привезу вас, и будем жить неразлучно. Не поедете ведь — вот штука-то...»

Это письмо Лидия Николаевна получила перед самой поездкой в Болгарию. В самолете случайно услышала, что итальянские кинематографисты решили поставить фильм о Достоевском и на главную роль намерены пригласить Шукшина. Представила, как обрадуется такой вести. Но он об этом уже не узнал...

Сердце Шукшина не выдержало. Потому что, когда Василию Макаровичу даже и было хорошо, он все равно помнил, что где-то кому-то плохо. Вот в чем дело...

Лев СИДОРОВСКИЙ